

силь увеличенія заработной платы). Въ 1789 году онъ ищетъ свободы и хочетъ свергнуть его аристократіи, духовенства и частныхъ собственниковъ — буржуа. Какъ только народъ замѣтилъ, что правительство больше не въ силахъ подавлять мятежи, онъ возсталъ противъ своихъ враговъ. Его предводители идутъ поджигать дворцы аристократовъ, между тѣмъ какъ еще покорная и трусливая толпа ждетъ, пока пламя пожара охватитъ холмы и освѣтитъ облака, чтобъ вздернуть сборщиковъ податей на тѣ висѣлицы, на которыхъ погибли провозвѣстники революцій. Войска отсутствуютъ; они заняты въ другомъ мѣстѣ. Возстаніе идетъ отъ хижины къ хижинѣ, изъ деревни въ деревню, и скоро полъ-Франціи пылаетъ огнемъ. Будущіе революціонеры изъ буржуазіи гнутъ еще спину передъ королемъ, будущіе герои революціи пытаются подавить возстаніе незначительными уступками. Но города и деревни требуютъ свободы и предъявляютъ свои права, не дожидаясь созванія Генеральныхъ Штатовъ и зажигательныхъ рѣчей Мирабо. Сотни мятежей (Тѣмъ ихъ насчитываетъ болѣе трехсотъ) вспыхиваютъ въ деревняхъ и готовятъ тотъ день, когда парижане, вооруженные пиками и нѣсколькими пушками, овладѣваютъ Бастиліей.

Если-бы революція разразилась только въ Парижѣ, если-бы это была парламентская революція, ее можно было-бы залить потоками крови. Тогда контръ-революціонеры, высоко поднявъ бѣлое знамя, толпами ходили-бы изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, избивая крестьянъ и санкюлотовъ. Но, къ счастью, революція сразу приняла другой характеръ. Она вспыхнула почти одновременно въ тысячѣ мѣстъ. Революціонное меньшинство, черпая силы въ правотѣ своихъ стремленій и въ безмолвномъ сочувствіи народа, побѣдоносно шло изъ деревень, сель и городовъ всей Франціи взять Бастилію, королевскій дворецъ и городскую думу. Оно терроризировало аристократію и крупную буржуазію и увлекало за собой народъ, который гордо шелъ уничтожать привилегіи и завоевывать свою свободу, свои права.

Таковъ же будетъ путь наступающей революціи. Идеи анархическаго коммунизма проникнуть въ сознание массъ и привлекутъ ихъ на свою сторону. Тогда меньшинство, поддерживаемое народомъ, подыметъ красное знамя возстанія. Вспыхнувъ почти одновременно во-всѣхъ концахъ міра, препятствуя учрежденію какого-бы то ни было правительства, могущаго задержать ходъ событій, революція будетъ свирѣпствовать до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своей миссіи: уничтоженіе частной собственности и государства.

Въ этотъ день меньшинство станетъ большинствомъ. Народъ, перешагнувъ черезъ частную собственность и государство, придетъ къ анархическому коммунизму.

Порядокъ.

Насъ упрекаютъ часто въ томъ, что мы избрали своимъ девизомъ слово анархія, запугивающее трусливые умы. „Ваши идеи прекрасны», говорятъ намъ, „но согласитесь, что вашъ девизъ неудаченъ. Анархія — синонимъ безпорядка, хаоса. Это слово вызываетъ въ сознаніи представленіе о непрерывномъ столкновеніи интересовъ, о вѣчной борьбѣ, о полной невозможности установить гармонию».

Замѣтимъ прежде всего, что активная партія, партія новыхъ теченій, рѣдко имѣетъ возможность сама себѣ выбрать имя. Санкюлоты 1793 года не сами дали себѣ это прозвище. Оно было придумано врагами народной революціи. Но развѣ это прозвище не заключаетъ въ себѣ опредѣленной идеи — идеи возстанія изстрадавшагося народа противъ роялистовъ, этихъ такъ называемыхъ патріотовъ, и якобинцевъ, которые, какъ-бы ни поклонялись имъ историки-буржуа, — были настоящими врагами народа, ненавидѣли и презирали его за нищету, за стремленіе къ равенству и свободѣ, за революціонные порывы.

То же самое можно сказать относительно слова нигилисты, которое такъ долго занимало вниманіе журналистовъ и служило темой для безконечныхъ каламбуровъ, пока не выяснилось, что нигилисты не изступленная религіозная секта, а настоящая революціонная сила. Употребленное впервые Тургеневымъ въ его романѣ „Отцы и дѣти», оно было подхвачено „отцами», которые мстили этимъ прозвищемъ своимъ непокорнымъ „дѣтямъ». Дѣти спокойно приняли его; когда же они замѣтили, что это слово служить поводомъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, избавиться отъ него было уже невозможно.

Пресса и общество не хотѣли величать другимъ именемъ русскихъ революціонеровъ. Да и нельзя сказать, чтобъ оно было неудачнымъ; оно заключаетъ въ себѣ вполне опредѣленную идею.